

намику. В данном фрагменте текста средством, регулирующим скорость движения времени, являются предложения с союзом *НО* в инициальной позиции. Они то тормозят (*Но дорассвета было далеко.*), то ускоряют развитие событий (*Но вот стало светать дружнее.*).

Достаточно большой промежуток времени (*Прошло больше пятнадцати лет*) разделяет две встречи, но тем не менее их объединяет общая временная локализация – сумерки. Очевидно, это позволяет говорить о некой цикличности в развитии сюжета. Кроме того, здесь усиливается эффект недоговоренности, нечеткости изображаемого. И только воображение остается единственной силой, способной двигать событийное время, только в обратном направлении.

Но и непрерывно текущее время может остановиться.

Вдруг все исчезло. При свете затепленной масленки стояли друг против друга съеденный острым недосыпнием мужчина в короткой куртке нараспашку и грязная, давно не умывавшаяся женщина с вокзала. Молодости и моря как не бывало [2, с. 137].

Возникает ощущение сжатия времени и свертывания пространства, появляется «новая точка отсчета». *Вдруг* становится неким символом, прорывающимся из пространства внешнего мира в пространство внутреннего сознания, ломающим пространственно-временные границы. Далее в тексте возникает совершенно особая динамика, нехарактерная для предыдущего контекста. Перцептивная темпоральная ось, которая была так активна в первой и второй главах, к концу повести растворяется в событийной. Время приобретает однонаправленный линейный характер.

Существует закон, по которому с нами никогда не может быть того, что сплошь и рядом должно приключаться с другими. Правило это не раз приводилось писателями. Неопровержимость его состоит в том, что, пока нас узнают друзья, мы полагаем несчастье поправимым. Когда же мы проникаемся сознанием его непоправимости, друзья перестают узнавать нас, и, ... мы сами становимся другими... [2, с. 132].

Становится очевидным, что один и тот же объект, показанный с разных точек, не только воспринимается, но и должен, по замыслу автора, «читаться» как два разных объекта, которые отождествляются лишь

постфактум в ходе дальнейшего изложения. С точки зрения монтажности здесь сохраняется её основной признак – сохранение качественной разнородности монтируемого.

Выводы

Взаимодействие перцептивной, событийной и календарной темпоральных осей создает сложную и разветвленную структуру категории темпоральности повести, её временную стереоскопичность и создает основу для монтажа текста. П.А. Флоренский считал, что человеческое восприятие пространственных изображений всегда осуществляется во времени, оно всегда дискретно, у него есть определенный ритм. Искусный художник облегчает визуальное восприятие, обозначая на своей картине, в ее интуитивно нами воспринимаемой пространственной структуре, те временные «швы» – границы, в соответствии с которыми членится, организуется во времени на отдельные ритмические такты наше восприятие [4]. В таком широком смысле произведение и воспринимается, и строится монтажно.

Литература

1. Золотова, Г.А., Онипенко, Н.К., Сидорова, М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. С. 22–24.
2. Пастернак Б. Сочинения: в 2-х т. Т. 2. Тула, 1993.
3. Флоренский П.А. Анализ пространственности в художественно-изобразительных произведениях. М., 1993. 324 с.
4. Эпштейн М.Н. Природа, мир, тайник вселенной. М., 1990.

References

1. Zolotova, G.A., Onipenko, N.K., Sidorova, M.Iu. *Kommunikativnaia grammatika russkogo iazyka* [Communicative Grammar of the Russian Language]. Moscow, 1998, pp. 22–24.
2. Pasternak B. *Sochineniia* [Compositions]: v 2-kh t. T. 2. Tula, 1993.
3. Florenskii P.A. *Analiz prostranstvennosti v khudozhestvenno-izobrazitel'nykh proizvedeniakh* [Analysis of spatiality in art-graphic works]. Moscow, 1993. 324 p.
4. Epshtein M.N. *Priroda, mir, tainik vselennoi* [Nature, the world, the universe cache]. Moscow, 1990.

УДК 800.8

Г.В. Судаков

Вологодский государственный университет

НАЗВАНИЯ ЛЮБИМОГО ЧЕЛОВЕКА В ВОЛОГОДСКИХ ЧАСТУШКАХ

В статье излагаются результаты исследования имен существительных – наименований любимого человека в вологодских частушечных текстах преимущественно первой половины XX века: лексико-семантические свойства, структура, мотивационные признаки, особенности употребления в корневых гнездах. Анализ семантики данных слов позволяет выстроить иерархию жизненных ценностей молодых людей, живших в России в первой половине XX века. Установлен круг наименований любимого человека, выявлены семантико-стилистический потенциал и особенности функционирования лексем в зависимости от диалектики отношений между парнем и девушкой (степень близости), проанализировано, как взаимообуслов-

лены экспрессия названий и содержание частушки, как влияют тип героя и описываемая ситуация на выбор номинации любимого человека.

Имя существительное, лексема, лексико-семантическая группа, семантика, компонент «любовь», диалект, фольклор, частушка, любимый человек.

The article presents the results of a study of nouns – names of beloved person in Vologda chastushka's texts mainly of the first half of XX century: the lexical and semantic properties, structure, motivational signs, especially in the use of root slots. The analysis of the semantics of these words enables to build a hierarchy of life values of young people, who lived in Russia in the first half of the XX century. A set of names of a beloved person was established, semantic and stylistic potential and features of lexemes functioning depending on the dialectic relationship between a young man and a girl (degree of affinity) were identified; relationship between the expression of names and ditties content of chastushka and the way how the type of character and described situation influence on the choice of the category of favorite person's names were analyzed.

Noun, lexeme, lexical-semantic group, semantics, a component "love", dialect, folklore, chastushka, favorite person.

*Тревожно, ласково, счастливо, горько,
весело, беззаботно звучали частушки
(В.И. Белов «Кануны»)*

Введение

Слова Василия Ивановича Белова взяты из его описания ночных святочных игрищ молодежи, когда «ребята и девки плясали и пели... Гармони ещё пели совсем не устало, у каждой был свой тон и голос. Но деревня уже спала».

Основные исполнители частушек – девушки и женщины – в первой половине XX века много пели, и парни, особенно плясовые и рекрутские частушки. Частушка – жанр, функционирующий преимущественно в сельской диалектной среде. Здесь в отличие от литературного языка наблюдается особое богатство речевых презентаций Любви как основы нравственной жизни человека [4, с. 242]: главная тема частушки – отношения между девушкой и парнем.

Частушки появляются в 50-х гг. XIX в. и начинают фиксироваться и оцениваться специалистами уже в 60–70-е гг. XIX в. В 1891 г. в Устюге была издана брошюра «Новое время, новые песни», посвященная анализу текстов и мелодии новых коротких лирических песен [14]. Характерно такое признание современника: «Ныне эти коротенькие песни можно слышать повсеместно на крестьянских беседах, но лет 20–30 назад, по рассказам стариков, о них не было и помину» [2, с. 38]. Лаконизм и острота переживаемых чувств зафиксированы в частушке почти наглядно, ведь частушка выросла на добротной основе фольклорной традиции: это бытовая и любовная лирика, плясовая песня и песенки скоморохов (о полигенетизме частушки см. в очерке П.А. Флоренского [32] и кандидатской диссертации Н.В. Дранниковой [7]).

Частушка – явление синтетическое: в ней в равной мере важны текст, музыкальный напев, движение (пляска или проходка по улице), этнокультурная ситуация (особенно важно для обрядовых частушек); неслучайно отдельно изучаются все составляющие элементы частушки (см. некоторые из современных исследований [15], [26]). Среди этих работ заметное место занимает монографическое исследование С.Р. Кулевой «Частушки в культурных традициях Белозерья. Опыт комплексного исследования», защищенное в качестве кандидатской диссертации по специальности «музыкальное искусство» [13], но здесь

учтены и содержание частушек в связи с их обрядовым характером, и композиция с учетом музыкально-поэтических форм, и этнокультурные ситуации исполнения этих мини-произведений народного фольклора.

Основная часть

В поле нашего исследования находятся однословные номены и словосочетания, называющие любимого человека в текстах частушек, зафиксированных в фольклорных записях первой половины XX в., когда частушки были особенно популярны как в городской среде, так и в сельской. Этот фрагмент любовного словаря мало исследован (см. из числа последних работы: [6], [17]). Первая выполнена на ярославском материале, вторая основана на старых записях приамурских текстов. Словарь любви на материале литературных текстов рассмотрен и в книге: [5].

В качестве основных источников использованы записи частушек первой половины XX века на территориях, относящихся в настоящее время к Вологодской области (см. список источников). Для сравнения привлечены публикации частушек начала XX века с соседних территорий: архангельские, ярославские, костромские, новгородские, олонецкие, вятские и др. [18], [19]. Например, в книге Симакова, где опубликована 3341 частушка, кроме ярославских, также есть частушки из Великоустюгского, Вытегорского и Грязовецкого уездов.

Для многих из выявленных наименований характерно преобладание в их семантической структуре оценочного компонента над простым названием, их функция – выражение любви, симпатии и ласки. Что касается функций всего текста, то для любовных частушек актуальны следующие назначения: лирическое высказывание, комментирование и маркирование ситуации, сигнальная и социально-коммуникативная функции. О прагматике частушек есть интересная работа: [1].

Частушечный текст отличается высокой эмотивностью: эмоция или чувство названы прямо либо презентуются описательно, с помощью контекста. Эмоциональность привносится и широким употреб-

лением лексем с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Оценка любимого человека обусловлена субъективным интересом и вкусом исполнителя: частушка – песенный жанр. Часто исполнение частушки (целой серии на одну тему) носило игровой характер, форму театрализации, но частушка была и средством любовного признания. Субъект любви (он – она) не назывался, но зачастую догадывался; эта возможность публичного признания в любви и сделала частушку популярной в конце XIX века, когда стали меняться этические нормы, характер любовных отношений и сам быт: переезды в город, рекрутчина, давление материальных обстоятельств и т.п.

Персонажи любовной частушки постоянны: девушка, парень, иногда третий персонаж – один из родителей героев или разлучница – «супостатка». Персонажи называются изредка именами, чаще – характеризующими, оценивающими словами. Небольшое семантическое поле частушки требует лаконичных и точных характеристик героев. При этом образы персонажей индивидуализированы, наполнены личными переживаниями. Учтем, однако, что частушки исполняются во время гуляний целыми сериями, что могло повлечь за собою или повторение названий основных героев, или наоборот – обязательную замену этих наименований синонимами в порядке творческого соревнования исполнителей.

В наши задачи входит установить круг наименований любимого человека, выявить семантико-стилистический потенциал и особенности функционирования этих слов в зависимости от особенностей развития взаимоотношений между парнем и девушкой (степень близости), проследить, как взаимообусловлены экспрессия названий и содержание частушки, как влияют тип героя и описываемая ситуация на выбор номинации любимого человека. В ранее выполненных исследованиях не затрагивались вопросы происхождения, времени появления и активизации тех или иных номинаций, например: *дроля*, *залётка*, *золотцо*, *краля*, *ухажёр*, *ягодиночка* и др.

Частушка – это песня о себе, о личном отношении к другому человеку. Высказывания от первого лица – основная форма выражения в частушках. Любовные частушки воспроизводят всю драматургию развития любовного чувства, поэтому с учетом семантики основных наименований можно выделить шесть групп слов и словосочетаний (расположим их с учетом количества выявленных наименований):

1) названия, выражающие любовь как чувство сильного сердечного влечения к лицу другого пола: *дроля* (*дролечка*), *любой* (*любущка*), *милый* (*мил*, *милка*, *перемилка*, *миленок*, *миленочек*, *милашечка*, *милашка*, *милочка*, *милочек*, *миленький*, *милушка*);

2) названия, содержащие оценку физических данных как основы любовного чувства: *белянка* (*беляночка*), *краля* (*кралечка*), *красавица* (*красотка*, *красоточка*), *конфетка*, *ненаглядный*, *цветок* (*цветочек*), *ягодка* (*ягодинка*, *ягодиночка*);

3) названия, содержащие оценку духовных качеств любимого человека: *голубь* (*голубчик*, *голубочек*, *голубушка*), *душечка*, *хороший* (*расхороший* – *расхорошая*);

4) названия, содержащие оценку иных качеств, значимых для любящего: *дорогой*, *друг* (*дружок*), *заветная*, *золото* (*золотце* – *золотцо*), *кровочка* (*кровиночка*), *сударушка*;

5) названия, характеризующие силу переживания любящего: *зазноба* (*занобушка*), *ненаглядный*, *отрада*, *прияточка*, *радость моя*, *сухота* (*сухотинка*, *сухотиночка*);

6) названия, связанные с игровыми переживаниями: *забава* (*забавочка*, *забавушка*), *игровая* (*игровый*, *игровенький*), *куколка*, *утеха*.

Если же расположить эти наименования в соответствии с динамикой любовного чувства, то на первом месте будет характеристика внешнего вида героя: *Миленький*, *усатенький*. / В рубашке полосатенькой, / Рубашка шита по канве. / Зачем ты ходишь не ко мне? [18, с. 14]; *Дроля* в белянкой манишке, / Пиджак новый, голубой; Ваши черненькие глазки / Завлекают всё меня; До чего к дроле пристала / Серенькая кепочка; Не ругай-ко меня, мама, / За симпатию мою [19, с. 81, 82, 79, 267] ср. еще характерные номинации: *дроля модненький*, *у забавы черны глазки*, *сероглазая моя*, *симпатеечка*, *прияточка*.

Затем – оценка его речи, что подтверждает приметой: девушки любят ушами: Не за кудри полюбила, / Не за белое лицо. / Полестил на разговоры, / Полюбился золотцо [19, с. 83]. И наконец – абсолютная влюбленность, переживание прощания (*дорогой*, *кровиночка*, *родной*): Дорогой со мной прощался, / Крепко за руку держался. / Я взглянула на него, / Сердце замерло моё [19, с. 89], и уверенность в вечной любви: Тебя, дроличка, в солдатушки. / Мине, девочке, куда? / На реке широка прорубь – / Я голушкой туда [21, с. 155].

Вот как выглядят ряды наименований любимых лиц женского пола и любимых лиц мужского пола: женские – *белянка*, *голубка*, *дорогая*, *душечка*, *заветная*, *зазноба*, *игровая*, *краля*, *красотка*, *любая*, *милая*, *милка*, *ненаглядная*, *сударка* – *сударушка*, *хорошая*; мужские – *голубь*, *голубчик*, *дорогой*, *друг*, *душенька*, *заветный*, *игровый*, *любой*, *миленок*, *милый*, *молочник*, *ненаглядный*, *хороший*. В равной мере к мужчинам и женщинам относились слова: *дроля*, *забава*, *золото*, *кровинка*, *милашка*, *милушка*, *приятка*, *сухота*, *утеха*, *цветок*, *ягода*.

Частушки «мальчишек» отличаются от частушек «девчонок» грубостью и записываются составителями реже, поэтому меньше и фиксаций номинаций любимой. Кроме того, «частушка «мальчишек» по большей части несколько грубовата. ... частушка «девчонок» ... гораздо скромнее и мягче. В ней преобладают чувства нежные, порою даже сантиментальные. В ней часто слышатся слезы, обида, горечь; бывает раздражение, но чрезвычайно редко насмешка» [32, с. 9]. По этим признакам легко отличить женскую частушку от мужской, ср.: Неужели ты завянешь, аленький цветочек? Неужели не вспомняешь, миленький дружок? – Неужели ты завянешь, травушка шелковая? Неужели не вспомняешь, дура бестолковая [частушки цит. по: 32, с. 9].

Взаимоотношения героев частушки – сколок народной этики, поэтому частушечный стих подчеркивает приятность избранника, доверие к нему, привя-

занность и наоборот – неприязнь к нелюбимому: Неохота шевелиться, / Со скамеечки встать: / Нелюбой берёт по кругу, / Неохота целовать; Я любого целовала: / Губки сладкие, как мёд [19, с. 107].

В христианской этике семантика дружбы превалировала над семантикой любви, что соответствует православной концепции любви и дружбы. Для христианина главная любовь – это любовь к богу, затем любовь к своим родным. Проявлением этой тенденции соответствует и первоначальная номинация героя частушки. Вместо слова *любимый*, которое употребляется редко позже, во второй половине XX века, употребляются слова *друг* (*сердечный друг*), *дружок* (*миленький дружок*), *дружочек*. Самый лучший и надежный друг в жизни – это для мужа жена, а для жены – муж. Влюбленные не *встречались* (это слово отсутствует в первых частушках), а *гуляли*, что значило «вместе проводить время на гуляньях»; влюбленные называли друг друга *игровый* – *игровая*, *забава*, *утеха*, *отрада*. Таким образом, большинство лексем семантического поля «любовь» хорошо мотивированы и соотнесены с динамикой развития любовного чувства и культурными традициями эпохи.

Анализ семантики корневого смысла основных лексем – наименований любимого человека – позволяет выстроить иерархию жизненных ценностей молодых людей, живших в России в первой половине XX века. Чем же *милый* из частушки лучше *бойфренда* из современной жизни? Милый – он *любый*, *ненаглядный*, *дорогой*, *хороший* и т.д. Бойфренд – он не милый и не любимый, он – модный, ему далеко до суженого и ряженого, в лучшем случае он – сожитель.

Частушка – жанр фольклорный, ее речевое наполнение – средства устной речи, поэтому источник словаря частушки – устная разговорная речь. В старой частушке могло быть то, что не актуально в современной речи, но было актуально прежде, особенно в глагольном лексиконе: многие названия любимого человека – от глаголов: *дролиться*, *миловаться*, *забавляться*, *играть*, *ухаживать* и т.д. При этом набор подобных глаголов не одинаков для разных территорий России: популярные в ярославских местах *залётка* – от *залетать*, *приятка* – от диалектного *приятъ* [6, с. 172] гораздо менее известны на Вологодчине. Вместе с тем частушки легко мигрируют, и в них, как правило, представлена в основном общерусская лексика, ср., например, анализ семантической группы «любовь» в русских говорах Приамурья: [17].

Рассмотрим основные именованья любимых в частушке, имея в виду прежде всего их структуру, семантику и функционирование.

Наименования чаще были однословными: За *миленочком* гоняюсь, / Как привороженная; Погляжу я на окно: / Нет ли *ягодки* мово; Ты играй, гармошка нова, / Пока *любущка* здорова [21, с. 121, 131, 148].

Составные наименования содержали описательную характеристику: *дорогой ты мой забавочка* [19, с. 113], усиливали образность и выразительность: *Милый мой, моя отрада* [19, с. 160]. При этом, как показывает материал и других территорий, в частушках встречаются самые употребительные слова

литературного языка: Без *милого*, без *родного* / Никто не пожалеет; За столом сидит *милашка* / *Ненаглядная* моя [17, с. 284, 291].

Слова с положительной семантикой, естественно, преобладали, но в ситуации ссоры, обиды могли быть и негативные определения: *бессовестная* – *бессовестный*, *паршивая* – *паршивый*, *подлая* – *подлый*, *шельма*.

Обратимся к двум корневым гнездам с вершинами *мил-* и *люб-*. Корневое гнездо с вершиной *мил-* сложилось в русском языке в древности. В новгородских берестяных грамотах слова с этим корнем употреблялись как нарицательные и как собственные: Миль, Милята, Милка, Милко, Милость, Милошко, Милогость, Милонегъ, Милошко, Милославъ [9, с. 759].

С учетом логики словообразовательных цепочек выявленные лексемы в вологодских частушках располагаются следующим образом: *мила* – *милочка* – *милушка* – *милаша* – *милашка* – *милашечка* – *милаха*; *миленок* – *миленочек*; *миленок* – *милёнка*; *мил* – *милый* – *миленький* – *миленькой*; *милая* – *милый*, *милый*. Кстати, слова *дроля* и *игровый* в сборнике Симанова поясняются в подстрочнике тоже словом *милый* [19, с. 7, 11]. К названиям общего рода относятся *милаша*, *милашка*, *милочка*, *милушка*, остальные имеют более четкую родовую дифференциацию. Приведем отдельные примеры: Мил за прялочкой сидит, / Прясть мне не мешает [29]; Милка, милка, перемилка, / Милка, куколка моя [19, с. 448]; Мою милочку просватали [19, с. 192]; Полно, полно погуляла / Без меня *милашечка* [29]; Без *милёнки* жить – покой, / Нету славы никакой [29]; Погляди, *милашка* старый, / Я гуляю с новеньким [3, с. 91]; Мне сказали на беседе, / Что *миленок* женится [18, с. 17]; Никому я не поверю, / Что не жаль *миленочка* [3, с. 38]; Милый мой, моя *отрада*, / Я сердита на тебя [19, с. 174]; *Миленький*, *усатенькой*, / В рубашке *полосатенькой* [18, с. 17]; Много *милочек* убили, / Много и поранили [30, с. 322]; Моего *милашу* ранили / Германцы у коистра [30, с. 324]; *Ягодиночку* поранили, / лежит у таночки. / Пишет: «*Милая* подруга, / Забывая гуляночки [30, с. 326]; См. примеры, где *милушка* используется в номинации и парня, и девушки: А перевязывали раны все четыре *милушки* [В. Устюг 2011]; Всем бы *милушка* хорош, / Только ростом маленький [21, с. 141].

Со словами на *мил-* особенно много словосочетаний со вторым ласкательным определением: Тебе врут, а ты и веришь, / Дорогой *милёночек* [30, с. 337]. Члены корневого гнезда с вершиной *люб-*, как уже замечено ранее, появились поздно и, вероятно, под влиянием авторской лирической песни. Первоначально же было только *любой*, *любущка* в значении «кто больше всех люб, кто больше приглянулся», т.е. к кому проявилась симпатия, или в сочетаниях типа *любимый дроля*: Я любее тебя, *дролечка*, нигде не нахожу; За своих любимых *дролей* / Замуж не выхаживать; До чего *любому* рада: / В избу двери отворю, / Он со мной не заговорит, / Так сама заговорю [19, с. 16, 26, 173]; Нелюбого-то чужого / Полюбить заставили. / А любого *дорогого* / Сиротой оставили [19, с. 356]; И на ближнего товарища / На-

десяться нельзя: / И мою красотку – любушку / Отбил он от меня [19, с. 181]; Ты играй, гармошка нова, / Пока любушка здорова [21, с. 148]. Слово *любуща* стало народно-поэтическим, оно употребляется для выражения особой привязанности. Не принятое в любовном этикете прямое употребление слова *любимая* фиксируется в таком тексте: Я своему-то дорожному / Всегда любовная [19, с. 30]. А вот здесь слово *любимый* вырывается в драматической ситуации, когда девушку против ее воли выдают за нелюбимого: В сто раз лучше девушке / Выйти за любимого [19, с. 323].

Приведем статистические данные сравнительного употребления в первой половине XX в. в устюженских частушках слов с корнем *мил-* в отношении к другим номинациям. Сохранившиеся записи устюженских частушек позволяют это сделать.

1) 1908–1917 гг. [29, 141 частушка]. По отношению к парню использовано 16 номинаций: *милый* – 27, *миленок* – 10, *милой* – 5, по четыре раза *дружок* и *миленочек*, *миленький* – 3, *золотце* – 2, по одному разу – *дорогой*, *мил*, *ненаглядный*, *конфетка*, *миленький-премиленький*, *милый дружок* – *миленький дружок*, *милый золотце*, *миленок*, *душенька*. По отношению к девушке использовано 5 номинаций: *сударушка* – 2, по одному разу – *дорогая*, *милашка*, *миласечка*, *миленка*.

Сравним богатые записи вологодских частушек (великоустюгские, вытегорские, грязовецкие) у Симакова (записи 1880–1910 гг.). Преобладают названия с корнем *-мил-*: **мужские** *милый* – 99, *миленок* – 17, *миленочек* – 14, *миленький* – 11, *мил* – 3, *мила* – 1; **женские** *мила* – 18, *милашка* – 9, по 8 – *милая*, *милушка*, *миласечка*, *милочка* – 6, *мила* – 2, *перемилка* – 1. Далее идут слова *дроля* – 92, *дролечка* – 38, *дролушка* – 1 (ср. женские варианты *дроля* – 2, *дролечка* – 1). *Дорогой* – 15 употреблений, а *дорогая* – 5. На четвертом месте по употребительности *друг* (13) – *дружок* (1), отмечено только в номинациях мужчин. Затем идут слова *игровой* – 8, *игривый* – 2, *игривенький* – 1 (женская номинация *игровая* – 1 употребление). Слова с корнем *-хорош-* занимают шестое место (*хороший*, *расхорошенький* – по 3, *расхороший*, *хорошенький* – по 2; *хорошая* – 5, *хороша* – 1; кстати, *беляночка* – *белянка* тоже замечены 6 раз). *Любой* (*любимый* – 1 употребление) и *золотце* употреблены по 9 раз (*любая* – 2, *любуща* – 1). Выделяется еще женское *сударушка* (3) и *сударка* (1). По 2 раза употреблены лексемы *родненький*, *забава* – *забавушка* (о мужчине), *приятка*, *ягодка* и *сероглазая моя* (о девушке). По одному разу применительно к парню зафиксированы обозначения *драгоценный*, *душечка*, *мой*, *ненаглядный*, *неоценимый*, *прияточка*, *симпатия*, а по отношению к девушке – *куколка*, *фартовая*.

2) 1920–1930-е гг. [28, 128 частушек]. Именования любимого парня: *ягодиночка* – 9, *дорогой* – 6, по 5 употреблений приходится на слова *милый*, *миленький*, *миленок*, по 4 употребления – *миленочек*, *милой*, *ягодина*, по 2 употребления – *дроля*, *дружок*, *забавочка*, по 1 разу зафиксированы *милый*, *дролечка*. Любимая девушка названа так: *мила* – 2, по одному разу *милая*, *милочка*, *милаха*, *миласечка*. В

этой коллекции частушек преобладают слова с корнем *мил-* (24), слова с корневой доминантой *ягод-* занимают второе место (13), слов с корнем *дрол-* всего 3.

С этими данными можно сопоставить факты из рукописного «Частушечника» 1925 г., хранящегося в Кирилло-Белозерском музее-заповеднике; в «Частушечнике» зафиксировано 1075 частушек. И.А. Смирнов замечает, что здесь из мужских наименований «... в большинстве частушек употребляются слова *дроля*, *милый*, *миленок*, *игривенький*, *милеша*», а из женских – «*мила*, *мила*, *миласечка*, *сударушка*» [26, с. 153]. Кроме того, в кирилловских частушках отмечено отсутствующее в устюженских текстах мужское именование *игровой* (*игровый*): У кого игровых нет, / Заявляйте в комитет. / В комитете разберут. / По игровому дадут; Набивается *миленок* / Ко мне в игровые [26, с. 146, 150]. Для восточной части Вологодчины *игровый* известен и в начале XX в.: Увижу серова кота, / Тебя, игровый, никогда [19, с. 168].

3) 1928–29 гг. [30, всего 34 частушки] по частоте употребления слова распределялись так: при обращении к парню *милой* – 8 употреблений, *милый* – 6, *миленький* и *миленочек* – по 5 раз, по одному разу употреблены слова словосочетания: *милый Ванюшка*, *миленок*, *миленький дружок*; из других обращений зафиксированы одноразовые употребления: *дружок*, *дорогой*, *хороший*, *ягодина*. При обращении к девушке есть однократные употребления: *милая*, *милочка*, *милашка*.

4) 1941–45 гг. (134 частушки). При назывании любимого использовано 18 номинаций:

ягодиночка – 26 употреблений, *дроля* – 15, *дролечка* – 13, *милаша* – 9, *милый* и *миленочек* – по 5, *залеточка* – 4, *милой* – 3, по два – *забавочка*, *залетка*, *милушка*, *ухажерик*, по одному употреблению отмечены *дорогой*, *забава*, *золотце*, *милочка*, *мой*, *дорогой миленочек*. При назывании любимой зафиксировано только *милая подруга*, *сударушка*. Надо иметь в виду, что в войну повзрослели исполнительницы частушки: их чаще пели замужние женщины.

5) 1940–1950 гг.: эта коллекция интересна тем, что в ней записаны тексты одной исполнительницы – Марии Васильевны Кудрявцевой. Здесь статистика следующая. Любимый чаще всего именуется *залеточкой* – 21 употребление, *ягодиночкой* – 20, слово *милый* употреблено 14 раз, *дроля* – 13, *залетка* – 10, *миленький* – 8, *дорогой* – 6, *дролечка* – 5, *миленок* – 4, по три раза употреблены *забавочка*, *миленочек*, *ягодинка*, *любой* «любимый», *ухажер*, по одному разу – *дружок*, *милой*. В номинации любимой использованы по два раза лексемы *ухажерочка*, *сударушка*, *милая*, *мила*. В целом преобладают слова с корнями *залет-* и *мил-* (по 31 употреблению), с корнем *ягод-* (23 употребления), с корнем *дрол-* (13 употреблений).

Таким образом, с 1920-х гг. начинают употребляться в устюженских частушках лексемы *ягодина* – *ягодиночка*, *дроля*, *забава* – *забавочка*, в годы Великой Отечественной войны активизируются наименования *милаша* – *милушка*, *залетка* – *залеточка*, *ухажер* – *ухажерик*.

В вологодских частушках второй половины XX века решительно преобладает пара *милый (милый) – милая* со своими однокоренными: Без тебя, мой дорогой, / Без тебя, мой милый, / Без тебя, хороший мой, / Белый свет – постылый [8, с. 4]; У кого какой милой, / у меня-то плотник [8, с. 8]; Платочком беленьким махала: / «Поди, миленький, сюда!» [8, с. 9]; Мой милёночек уехал, / Только пыль на колесе [8, с. 10]; Мой милёнок, я – твоя, / Куда хошь девай меня [8, с. 10]; У меня милаша маленький, Как зернышко в овсе [8, с. 10]; У меня милашка есть – / Нельзя по городу провесть [8, с. 18]; У моей у милушки / Глазки, как у рыбушки [8, с. 19]; Милка – лебедь, милка – лебедь, / Милка – славный человек [8, с. 13].

Далее оценим несколько заметных по семантике других наименований.

Белянка – беляночка «Любимая девушка, светловолосая или белолица» – обращение, опирающееся на оценку внешности: Я свою белянку тещу: На весах конфеты вешу. Её тещу для того, чтоб любила одного [19, с. 242]. Светлые волосы и светлая кожа – признак красоты, именно к белянке единственный раз зафиксировано обращение на Вы: Не ругай меня, белянка, / Вас искал, да не нашёл [19, с. 49]. *Беляночка* – суффикс *-очк-* вносит дополнительный оттенок ласкательности. Эти слова зафиксированы в вологодских, новгородских, псковских и орловских говорах [23, с. 240].

Голубушка – голубочек выражают не только привязанность и ласку, но и сердечную теплоту, что привнесено в семантику слова традиционной символикой слова *голубь*: Голубочек сизенький, / Снеси поклончик низенький. / Голубушка крылатая, / Скажи, куда просватана? [19, с. 192]; Уж ты миленький, голубчик мой, Мне не глянется характер твой [18, с. 24].

Слова *дорогой – дорогая* имеют значение «милый, любимый человек, к которому испытывают привязанность, любовь, нежность, близкий сердцу» [24, с. 433]. Такое обращение – часто знак достаточно близких отношений, дружбы: Дорогой мой драгоценный, / Дорогой забавушка [19, с. 190]; На кату платочек белится / С каемкой голубой. / Разлучает царска службица / Навек с дорогой [21, с. 149]. *Дорогая моя радость* – это о парне, забираемом в солдаты: Дорогая моя радость, / Оставляешь на кого [19, с. 383]. Пример подтверждает свободу выбора мужского или женского варианта именования не по причине ограниченного количества этих именований, а из желания более непосредственно, по-своему называть любимого человека.

Такие же положительные оценки содержит и родовая пара *хороший – (рас)хорошая*: Не ходи возле казармы, / Расхорошая моя [21, с. 154]; Мы с хорошим расставались, / Оба горько плакали [10, с. 172].

Употребляемые по отношению к парню и девушке (первоначально только о парне) слова *дроля, дролечка, дролёночек, дроле(и)нька, дролюшка* являются диалектными и значат «человек, к которому испытывают привязанность, любовь». Возможно отглагольное происхождение этих слов: *дролиться* – «иметь любовные отношения с кем-либо; гулять, проводить время с любимым» [6, с. 171], [23, с. 199]. Основное

в этом ряду *дроля* стало словом преимущественно «частушечным», обозначающим чаще всего любимого. Вот текст, где подчеркнуто, что *дроля* – это именование неженатого парня: ...у жён мужей, у девок дролечек / В Германию увёз [14, с. 8]. В другой частушке *дроля* – это девушка: Я пришёл на посиденку / Моя дроля занята [19, с. 35]. П.А. Дилакторский в 1902 г. отмечал это слово в Вологодском, Кадниковском, Тотемском, Никольском уездах [22, с. 112]. Диалектологи фиксируют его появление в говорах в начале XX в., см. примеры: дроля уток стреляет; дроля в беленькой рубашке; Где мы с дролечкой стояли, / Снег протаял до земли; Часы с помельщика сняла, / На дроленьку повесила; дролюшка мой [23, с. 198–199]; Дролечка бессовестной / Подговаривал весной. / Теперь осень настанет, / Дроля вовсе отстаёт [18, с. 101]. В вологодских текстах нет производных *дролька, дроха*, зафиксированных в ярославских говорах. Однозначной этимологии корень *drol-* не имеет: в русских говорах это «любимый- любимая», у южных славян слово негативно характеризует женщину [35, с. 124–125].

Слово *друг*, употребляемое чаще по отношению к мужчине, фиксируется в сочетании *друг сердечный* и в форме диминутива *дружок* см. примеры: Я сидела на лужку, Писала тайности дружку. / Я писала тайности / Про любовны крайности [21, с. 155].

По отношению к мужчине и женщине для выражения симпатии и ласкательности употребляется *душечка* в смысле «приятный, милый» [21, с. 161], [18, с. 121], *симпатия* в том же значении: Не ругай-ко меня, мама, / За симпатию мово [19, с. 267].

Забава, забавочка входят в ряд наименований, в которых учитывается семантический компонент игры «тот, кто развлекает, веселит»; судя по текстам, употребляется только при номинации парня: Посидела бы с забавочкой, / Да смелости-то нет [19, с. 85]; меня забавочка завлёт; ты, забава, милый мой [19, с. 119, 198, 211]; Забава, серые глазёночки, / Люби, не обмани [30, с. 337]. По Дилакторскому, уже в 1896 г. кадниковское *забавочка* – это «девушка, которая пришлась парню по сердцу» [22, с. 137]), в этом значении отмечено в Новгородской, Псковской, Ленинградской областях [23, с. 240]. Нам не известна фиксация слова *забава* как мужской номинации в вологодских говорах.

Сюда же примыкает и родовая пара субстантивов *игровой – игровая*, но с преобладанием мужского варианта: Был игровой в посиденке, / Посидеть не удалось; Дроля, аленький цветочек, / Я – игровая твоя [19, с. 17, 21, 82], отмечен и уменьшительный вариант *игровенький* [3, с. 22]. Все слова зафиксированы в вологодских, новгородских, псковских, тверских и ярославских говорах [23, с. 73].

Слова *кровинка, кровочка, кровиночка, кровинушка* подчеркивают взаимность любовных чувств, особую близость героев друг к другу; употребляются эти слова для названия как женщины, так и мужчины, см.: Здесь красивые хоромы, / Тамо моя кровочка [19, с. 116].

Общение с любимым человеком приносит удовольствие, может обрадовать и утешить: Милый мой, моя утеха, / Я люблю, а ты уехал [21, с. 151].

Силу переживания влюбленного выражает слово *зазноба* – *зазнобушка*: Ты скажи, моя зазноба, / Чем ты недовольная [21, с. 181]; Ты гуляй, зазнобушка [3, с. 168]. Слово стало просторечным и устаревшим, оно обладает высокой экспрессивностью, ср. исходный глагол *знобить* «болезненно ощущать холод, лихорадить» [25, с. 25].

С той же целью употребляются лексемы *сухота*, *сухотинка*, *сухотиночка* близкие по семантическому компоненту «болезненное любовное переживание»: Сухота ты моя, золото, / Оставил на кого [Бурцев: с. 28]; Сизый, сизый голубочек, / Научи меня летать. / Не высоко, не далёко – / Сухотинку увидеть [21, с. 150]. В таком случае в тексте обязательно описываются страдания от любви. Страдания усиливаются в ситуации отъезда любимого, в случае измены или при неразделенной любви. В этом случае любовь сушит, приносит страдания: Милый мой, моя отрада, / Я сердита на тебя. / Жизни я своей не рада, / Что влюбила в тебя [21, с. 151]. *Сухота* «любимый человек» в составе частушек наблюдается не только в вологодских, но и в смоленских, самарских текстах [23, с. 25].

К диалектным относятся слова *залёта* (сибирское), *залётинка* (псковское), *залётка* (последнее, судя по нашим данным, появляется в вологодских частушках в годы Великой Отечественной войны), в Пскове известно уже в 1902 г.: Мне тогда запрет дадут, / Когда с залёткой разведут. Обычно *залётка* – это любимый, но в некоторых местах (Ульяновская обл.) *залёткой* называли возлюбленную [23, с. 202–203]. См. вологодские примеры: Синеглазый мой залёточка, / Воюй и не скучай [30, с. 333]; В том краю залётку бьют – / В этом отдаётся [8, с. 36].

В качестве обращения к женщине употребляются фиксирующие физическую красоту возлюбленной слова *краля*, *кралечка*, связанные с карточной терминологией, где *краля* «*королева*» западнославянского происхождения, ср. польское *krala* «*королева*» [31, с. 365]. См. примеры: Уж ты милая моя, / Краля дорогая [19, с. 131]; Ах ты, милая моя, / Кралечка червонная [18, с. 120]. Краля «любимая девушка» встречается в кирилловских говорах [23, с. 166].

Промелькнуло и редкое *фартовый* – *фартовая*, модное в криминальном жаргоне с начала XX века, в следующих частушечных контекстах: Закури, фартовый мой, / За спичкам сбегая домой, / Для такого молодца / Спичек много у отца; У него фартовая / На примете новая; / Милый новую припас, / А мне, девушке, отказ [19, с. 85, 291].

Отглагольные образования просторечного характера *ухажёр* – *ухажёрик* [24, с. 538], проникшие в частушки в годы Великой Отечественной войны, чаще относятся к мужскому полу и употребляются только в описательных конструкциях, в качестве обращения не употребляются: Скоро наши ухажёрики / С победушкой придут [30, с. 330], но ср. вариант жен. рода: Задумчивая подруга, / ему нечего искать, / ему стара ухажёрка / стала снова напевать; Поиграй повеселее, / неужели тебе лень? / Неужели ты боишься / ухажёрочки своей? [30, с. 469]. А вот лексемы *сударка*, *сударушка* – от *сударь* имела отношение только к женскому полу: Знаю, Колину сударушку /

Ориною зовут [30, с. 336]; ср. отмеченное ещё Симаковым в 1913 году: Разбужу свою сударку, / Старо-прежнюю свою [19, с. 4].

Русские *красавица*, *красотка* обозначают внешнюю красоту более выразительно: Ты играй, гармошечка, / Играй, раззолоченная. / Ты встречай, красоточка, / Красотка чернобровая [19, с. 2], [18, с. 121]. Лексемы *цветок* – *цветочек* также выражают идею красоты любимого человека: Ты, цветок, – нечистый дух: / Зачем думаешь о двух [19, с. 140]; Не говори, цветочек, дома, / Что я тоненька горазд [19, с. 201].

Кажется, чаще о возлюбленном говорили: *голубь* или *голубочек*, а *ягодкой* – *ягодинкой* – *ягодиночкой* чаще была девушка, но возможен и другой вариант: Погляжу я на окно: / Не увижу ль ягодки мово [18, с. 115]; Ягодинка чернобровый [3, с. 16]; Сизокрылый голубочек, / Ягодиночка моя, / Прилети на вечерочек, / Сиротой гуляю я [19, с. 27]; Проводил последний раз / До дому ягодиночка, / Он пошёл, а я сказала: / «Зарастай, тропиночка» [27].

Одновременное употребление нескольких любовных наименований – не редкость в частушках. Такой прием усиливал объем и глубину любовного чувства, например, в военных частушках: У милого в лазарете / Голубая коечка, / Это изверги-фашисты / Ранили милёночка; Взяли милку на войну, / Меня оставили одну. / Я с милёночком рассталась, / Сиротой кругом осталась [27]; Воевать дряля поехал, / Наказала епму в путь: / Сероглазый ягодиночка, / Меня не позабуди [34]. См. примеры с иными ситуациями: Экий миленький-премиленький / Реку перескочил [29]; Во своей деревне милого / Вижу ненарядного, / За его меня ругают, / Жалко ненаглядного [29].

Оценим и переключку влюбленных в рамках одной частушки: Песни петь не мастерица, / Заставляет милый мой. / На полу стоит, играет: / «Дорогая, песни пой [29].

Редкими являются именованная *заветная* «самая дорогая, душевная» [21, с. 120], *золото-золотце(о)*: «отличающийся большими достоинствами»: Сегодня милый не пришел, / Завтра не ходи-ко, / Даром-даром, золотце, / Дома посиди-ко [19, с. 154]. Чтoб подружки ни сказали, Милый, золотце, не верь [29]. Эпизодический характер носит употребление слова *конфетка*: Кондуктор ты мой, конфетка, / что ты ходишь ко мне редко [29]. В частушках в отличие от разговорной речи единично употребление местоимения *мой* в значении «милый, возлюбленный»: Все придут – моя нету, / Разболится бела грудь [30, с. 328].

Названия *прияточка*– *приятка* «возлюбленный, возлюбленная» носили диалектный характер: Чемнибуди перефоршу / прияточку игровую; Попрошу я свою батьку / Взять прияточку женой [19, с. 135, 280]. Они были более характерны для ярославских говоров на протяжении значительного времени: Ты, прияточка, прияточка, / Расподлая душа, / С другой девочкой гуляешь, / Чем же я не хороша [18, с. 17; 1914 г.]; За прияточку ругают. / Буду крадучись любить [36, с. 96].

Какова степень употребления диалектных элементов в частушках? Частушка – жанр фольклор-

ный, ее речевое наполнение – средства устной речи, поэтому источник словесного наполнения частушки – устная разговорная речь. Частушки легко мигрируют, и в них, как правило, представлена в основном общерусская лексика,

Поэтическая образность в частушках изучена на примере лексем, обозначающих напитки и сласти [20]. Связаны ли лексемы, именующие любимого человека, с какими-либо поэтическими символами? Напрямую такая связь не прослеживается, символика наблюдается в образах животного и растительного мира, упоминаемых в частушечном тексте. Так, например, малина – радость, рябина – печаль и тоска, вереск – знак разлуки с любимым: А вересковый куст зелёный / По реке широко плыл, / Было трудно расставатцы – / Дролечка любимый был; Неужели, вересиночка, / Завянешь у реки / Неужели, ягодиночка, / Забудешь навеки [12]. Здесь используется прием разного параллелизма: сопоставление по признаку действия, благодаря чему усиливается выражаемое чувство и добавляется эмоциональный элемент в семантике названия любимого человека. Символическое значение может иметь цветообозначение: белый – цвет духовной чистоты, чёрный – цвет горя и т.д.

Эмоциональная выразительность и драматизм ситуации усиливаются, когда название любимого человека выступает в качестве обращения: Дорогой мой, драгоценный, / Дорогой забавушка, / Давай расстанемся с тобой: / Надоела славушка [19, с. 200]; Милый мой, милый мой, / Что ты сделал надо мной [21, с. 158], когда повторяются близкие по семантике названия: Верь, не верь, милёнок мой, / Я в тебя влюбилась, / Без тебя, мой дорогой, / Гуляница лишилась [21, с. 161].

В частушках используются не только традиционные модели с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*судар-ушк-а, дрол-ечк-а, мил-ёночек*), с усилительными приставками и суффиксами (*рас-хороший, хорош-еньк-ий*), но и неологизмы: *сухотинка, прияточка*.

Выводы

Таким образом, названия любимого человека с опорой на словесно выразительный контекст позволяют передать разнообразную гамму чувств. Именно названия любимого человека играют доминирующую роль в выражении и оформлении темы сообщения. Разговорный характер лексики, подвижная структура слова, яркость и выразительность семантики превращают отдельную частушку в законченный афористичный текст.

В перспективе было бы важно оценить связь рассмотренных номинаций с их употреблением в речевом этикете эпохи и ключевыми словами, от которых они образованы, разобраться с динамикой и частотностью их употребления в частушечных текстах разного времени.

Литература

1. Адоньева С. Прагматика частушки // Антропологический форум. 2004. №1. С. 156–178.
2. Балов А. Что поет наш народ // Северный край. 1902. №133. С. 22–38.
3. Бурцев А. Народный быт великого Севера. М., 1898.
4. Вендина Т.И. Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры. М., 2007.
5. Головановская М. Признание в любви по-русски. М.: Слово, 2012. 368 с.
6. Гурская С.Л. Имена существительные общего рода, называющие любимого человека в ярославских говорах // Ярославский педагогический вестник. 2009. №1. С. 171–175.
7. Дранникова Н.В. Формирование жанра частушки как один из этапов развития народной поэзии. (На материале Архангельской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994. 20 с.
8. Ехалов А. Как у наших у ворот. Вологда, 2005. 156 с.
9. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.
10. Зеленин Д. Песни деревенской молодежи. Вятка, 1903. 88 с.
11. Зеркало нравственной жизни народа (публикация Ю. Максина) // Устюжна: Историко-литературный альманах. 1. Вологда, 1992. С. 176–184.
12. Кулева С.Р. Обрядовая частушка в устюженской традиции // Рябининские чтения – 2003. Петрозаводск, 2003.
13. Кулева С.Р. Частушки в культурных традициях Белозерья. Опыт комплексного исследования: дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2008. 260 с.
14. Львов И.Я. Новое время, новые песни. В. Устюг, 1891. 39 с.
15. Ованесян Л.Г. Тютнярские частушки как словесно-музыкальный феномен: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2011. 22 с.
16. Плешкова Д.А., Шильцева К.С. Гармонь и частушка в борьбе за Победу (Великоустюгский район, 2011). Рукопись, Великоустюгский районный музей.
17. Приходько В.К. Семантическая группа «любовь» в русских говорах Приамурья // Филологические науки. 2014. №8. С. 281–293.
18. Сборник великорусских частушек / под ред. Е.Н. Елеонской. М., 1914. 540 с.
19. Симаков В.И. Сборник деревенских частушек. М., 1913. 670 с.
20. Симакова М.С. Традиционная поэтическая образность (чай, сласти) в любовных частушках: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 222 с.
21. Сказки, песни, частушки / под ред. В.В. Гуры. Вологда, 1965. (502 частушки из записей 1870–1916 гг.).
22. Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П.А. Дилакторского 1902 г. СПб., 2006. 677 с.
23. Словарь русских народных говоров. Вып. 8. Л.: Наука, 1978. 370 с.; 42 – 2010 – 332 с. 43–2010, 350 с.
24. Словарь русского языка: в 4 т. Изд. 2. М., 1981–1984.
25. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1988. 790 с.
26. Смирнов И.А. Кирилловская частушка начала XX века как транслятор народной жизни // Русская культура на рубеже веков: Русское поселение как социокультурный феномен. Вологда, 2002. С. 139–153.
27. Судаков Г.В. Записи частушек: Кадуйский район, 1960 г. (из архива автора).
28. Устюженская частушка 1920-х – 1930-х годов // Устюжна: краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда: 1995. С. 445–461.

29. Устюженские частушки в записи Арапова (1908–1917 гг.) // Устюжна: краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда: Легия, 2000. С. 301–318.
30. Устюженские частушки периода Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Устюжна: краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда: Легия, 2000. С. 319–340.
31. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. М., 1986. 672 с.
32. Флоренский П.А. Несколько замечаний к собранию частушек Костромской губернии Нерехтского уезда // П.А. Флоренский. Сочинения: в 4 т. Т. 1. 1994. С. 1–9.
33. Частушки 1940–1950-х годов // Устюжна: краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 1995. С. 462–490.
34. Частушки военных лет // Маяк. 1976. 14 февраля.
35. Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). Вып. 5. М., 1978. 232 с.
36. Ярославский областной словарь: Питок – Ряшка. Ярославль: ЯГПИ, 1989. 146 с.

References

1. Adon'eva S. Pragmatika chastushki [Pragmatics of chastushka]. *Antropologicheskii forum* [Anthropological forum], 2004, no. 1, pp. 156–178.
2. Balov A. Chto poiout nash narod [What our people sings]. A. Balov. *Severnyi kraj* [Northern Territory], 1902, no. 133, pp. 22–38.
3. Burcev A. *Narodnyi byt velikogo Severa* [Way of life of the great North People]. Moscow, 1898.
4. Vendina T.I. *Iz kirillo-mefodievskogo nasledia v iazyke russkoi kul'tury* [From the heritage of Cyril and Methodius in the language of Russian culture]. Moscow, 2007.
5. Golovanivskaja M. *Priznanie v l'ubvi po-russki* [Declaration of love in Russian]. Moscow: Slovo, 2012, 368 p.
6. Gurskaia S.L. Imena sushchestvitel'nye obshchego roda, nazyvaiushhie l'ubimogo cheloveka v iaroslavskikh govorah [Nouns of general kind, calling a loved one in Yaroslavl dialects]. *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Herald], Yaroslavl, 2009, no. 1, pp. 171–175.
7. Drannikova N.V. *Formirovanie zhanra chastushki kak odin iz etapov razvitiia narodnoi poezii. (Na materiale Arhangel'skoi oblasti)* [The formation of the genre of chastushka as one of the stages of development of folk poetry. (On a material of the Arkhangelsk region)]. Moscow, 1994. 20 p.
8. Ehalov A. *Kak u nashih u vorot* [At our gate]. Vologda, 2005. 156 p.
9. Zalizniak A.A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. Moscow: Languages of Slavic culture, 2004. 872 p.
10. Zelenin D. *Pesni derevenskoi molod'ozhi* [Songs of rural youth]. Viatka, 1903. 88 p.
11. Zerkalo нравstvennoi zhizni naroda (publikatsiia Iu. Maksina) [The mirror of the moral life of the people (publication of J. Maxin)]. *Ust'uzhna: Istoriko-literaturnyi al'manah* [Ustyuzhna: Historical and literary almanac]. Vol. 1. Vologda, 1992, pp. 176–184.
12. Kuleva S.R. *Obriadovaia chastushka v ust'uzhenskoi tradicii* [Ritual chastushka in Ustyuzhensk tradition]. *R'abininskie chteniia – 2003* [Ryabininsk reading – 2003]. Petrozavodsk, 2003.
13. Kuleva S.R. *Chastushki v kul'turnykh traditsiiakh Beloz'er'ia. Opyt kompleksnogo issledovaniia». Diss. ... kandidata iskusstvovedeniia* [Chastushkas in cultural traditions of Beloz'erje. Experience of complex study. The Dissertation ... of the candidate of art]. S.R. Kuleva. St-Peterburg, 2008. 260 p.
14. L'vov I.Ia. *Novoe vremia, novye pesni* [New time, new songs]. V. Ustyug, 1891. 39 p.
15. Ovanessian L.G. *T'utniarskie chastushki kak slovesno-muzykal'nyi fenomen. Avtoreferat diss. kand filolog, nauk* [Tyutnyarskie chastushkas as verbal and musical phenomenon.

The author's synopsis of diss. PhD scholar, science. Chelyabinsk, 2011. 22 p.

16. Pleshkova D.A., Shil'ceva K.S. *Garmon' i chastushka v bor'be za Pobedu (Velikoust'ugskii raion, 2011)* [Harmonic and chastushka in the struggle for Victory (Veliky Ustyug district, 2011). Rukopis' [The manuscript]. Veliky Ustyug district Museum.
17. Prihod'ko V.K. *Semanticheskaja gruppa «ljubov'» v russkikh govorah Priamur'ia* [Semantic group "love" in Russian dialects of Amur River region]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 2014, no. 8, pp. 281–293.
18. *Sbornik velikorusskikh chastushek* [Collection of the Great Russian chastushkas]. Edited by E.N. Eleonskaia. Moscow, 1914. 540 p.
19. Simakov V.I. *Sbornik derevenskikh chastushek* [Collection of rustic chastushkas]. Moscow, 1913. 670 p.
20. Simakova M.S. *Tradicionnaja poeticheskaja obraznost' (chai, slasti) v l'ubovnykh chastushkah. Diss. ... kandidata filolog. nauk* [Traditional poetic imagery (tea, sweets) in love chastushkas. Diss. ... of the candidate of philological sciences. M.S. Simakova. Moscow, 2006. 222 p.
21. *Skazki, pesni, chastushki (502 chastushki iz zapisej 1870 – 1916 gg)* [Stories, songs, chastushkas (502 chastushkas from records 1870 – 1916)]. Edited by V.V. Gura. Vologda, 1965.
22. *Slovar' oblastnogo vologodskogo narechiia* [The dictionary of regional Vologda dialect]. According to the manuscript of P. A. Dilactorsky 1902 g., ILI RAN. SPb., Nauka, 2006, XV. 677 p.
23. *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 8. Leningrad: Nauka, 1978, 370 p. Vol. 42. St-Peterburg: Nauka, 2010, 332 p. Vol. 43. St-Peterburg: Nauka, 2010. 350 p.
24. *Slovar' russkogo iazyka v 4 tomah*. [Dictionary of the Russian language in 4 volumes]. Ed. 2. Moscow, 1981–1984.
25. *Slovar' russkogo iazyka: v 4 tomah* [Dictionary of Russian language: in 4 volumes]. Vol. 4. Ed. by A.P. Evgenyeva. Moscow, 1988. 790 p.
26. Smirnov I.A. *Kirillovskaja chastushka nachala XX veka kak transliator narodnoi zhizni* [Kirillov's chastushka beginning of the XX century as a translator of folk life]. *Russkaja kul'tura na rubezhe vekov: Russkoe poselenie kak sociokul'turnyi fenomen* [Russian culture at the turn of the century: Russian settlement as a social and cultural phenomenon]. Vologda, 2002, pp. 139–153.
27. Sudakov G.V. *Zapisi chastushek: Kaduiskii raion* [Records of chastushkas: Kaduysky district, 1960 (from the author's archive)].
28. *Ust'uzhenskaja chastushka 1920-h–1930-h godov* [Ustyuzhna chastushka 1920s–1930s]. *Ust'uzhna: kraevedcheskii al'manah* [Ustyuzhna: local history almanac]. Vol. 3. Vologda, 1995, pp. 445–461.
29. *Ust'uzhenskije chastushki v zapisi Arapova (1908–1917 gg.)* [Ustyuzhna ditties recorded by Arapov (1908–1917)]. *Ust'uzhna: kraevedcheskii al'manah* [Ustyuzhna: local history almanac]. Vol. 4. Vologda, Legia, 2000, pp. 301–318.
30. *Ust'uzhenskije chastushki perioda Velikoi Otechestvennoi voyny (1941–1945 gg.)* [Ustyuzhna chastushkas of the Great Patriotic War (1941–1945)]. *Ust'uzhna: kraevedcheskii al'manah* [Ustyuzhna: local history almanac]. Vol. 4. Vologda, Legia, 2000, pp. 319–340.
31. Fasmer Maks. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka: v chetyreh tomah* [Etymological dictionary of the Russian language: in four volumes]. Vol. 2. Moscow, 1986. 672 p.
32. Florenskii P.A. *Neskol'ko zamechanii k sobraniu chastushek Kostromskoi gubernii Nerehtskogo uезда* [A few remarks to the congregation of chastushkas of Kostroma province in Nerehtsky County]. *P.A. Florensky. Sochineniia v 4 tomah* [Works in 4 volumes]. Vol. 1, 1994, pp. 1–9.

33. Chastushki 1940–1950-h godov [Chastushkas 1940s–1950s]. *Ust'uzhna: kraevedcheskii al'manah* [Ustyuzhna: local history almanac]. Vol. 3. Vologda, 1995, pp. 462–490.

34. Chastushki voennykh let [Chastushkas of the war years]. *Maiak* [Mayak]. 14.02.1976.

35. *Etimologicheskii slovar' slavijskikh iazykov (praslavianskii leksicheskii fond)* [Etymological Dictionary of Slavonic

Languages (Proto-Slavic lexical fund)]. Vol. 5. Moscow, 1978. 232 p.

36. *Iaroslavskii oblastnoi slovar': Pitok – Riashka* [Yaroslavl regional dictionary: Pitak – Ryashka]. Iaroslavl', IaGPI, 1989. 146 p.

УДК 808.5+37

М.И. Черняева

Вологодский государственный университет,

Т.Г. Комиссарова

Вологодский государственный университет

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Е.Н. Ильина

«ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОД РЕГИОНА» И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ОСВОЕНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РАЗВИТИЮ РЕЧИ

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых кандидатов наук (проект МК 5977.2015.6 «Лингвистические аспекты представления традиционной народной культуры в современных дискурсивных практиках: война смыслов и образ региона»)

В статье рассматриваются проблемы формирования региональной идентичности жителей Русского Севера, обращается внимание на существование «лингвистического кода» региона и его репрезентацию в системе региональных текстов, комментируется авторский опыт работы в области раннего развития детской речи и в области преподавания русского языка в школе.

Региональная идентичность, филологическое краеведение, развитие речи, региональный компонент в образовании.

The article deals with problems of the formation of regional identity with regards to the case study of inhabitants in the Russian North. Attention is drawn to the existence of a regional 'linguistic code' and its representation in the system of regional texts. The authors' experience in the spheres of early childhood speech development and teaching the Russian language at school give revealing illustrations according to the process of acquiring the 'linguistic code' of the Vologda region.

Regional identity, philological local studies, speech development, regional component in education.

Введение

Патриотическое воспитание подрастающего поколения невозможно без воспитания любви к «малой Родине», в основе которого лежит процесс формирования региональной идентичности. Одну из важных составляющих этого процесса представляет освоение «лингвистического кода региона», воспитание детей на примере лучших образцов словесной культуры родного края, включение регионального материала в систему креативной речевой деятельности ребенка. Все эти проблемы определяют актуальность представляемой нами работы.

Региональная идентичность является результатом восприятия и оценки региональной культуры в социуме и может быть представлена в интегрированной концептуальной форме. К числу наиболее очевидных форм её репрезентации могут быть отнесены речевые произведения, тексты различных форм бытования и различной жанрово-стилистической природы, репрезентирующие «лингвистический код» региона и закрепляющие в словесной форме принадлежность человека к региональному культурному пространству.

Основная часть

«Лингвистический код» региона, как отмечает Е.Н. Ильина, представляют регионально маркированные имена собственные (город Вологда, улица Бурмагиных, святой Герасим Вологодский, писатель Александр Яшин, цикл работ Д. Тутунджан «Разговоры по правде, по совести» и др.), регионально ограниченные в употреблении слова (баско «красиво», пазгать «бить, сечь», даром «безразлично» и пр.), устойчивые речевые формулы, ставшие достояниями культуры посредством их включённости в тексты региональной художественной литературы (например, «Четвёртая Вологда» – по названию произведения В. Шаламова), а также многие другие элементы бытующих на данной территории текстов – фольклорных, разговорно-бытовых, художественных, медийных и пр. [3].

Закрепление «лингвистического кода» региона в сознании человека является одной из важнейших составляющих в формировании его региональной идентичности. Решение этой задачи происходит в ходе непрерывного процесса социализации личности, сказывается на формировании личностных установок и убеждений человека. Наиболее важным пе-